

На рисунке перед ними предстал образ элегантного и интеллигентного мужчины средних лет с белым лицом и бородой, который как будто ожил на бумаге.

Цин Янь до сих пор никому не рассказывал об этой ситуации, потому что не был уверен, является ли префект уезда Наньхуэй действительно супругом тети Ли. Однако события развивались таким образом, что вероятность того, что этот префект — Цинь Лянчуань из деревни Люси, становилась все более очевидной.

Посоветовавшись с присутствующими, глава каравана отправил людей за Цинь Лань. Удачно сложилось, что глава каравана был знаком с ее мужем, Жэнь Сяо, и все прошло довольно гладко. Когда Цинь Лань и ее супруг прибыли, девушка, увидев портрет, разразилась слезами. Изображенный на рисунке человек оказался ее отцом.

Цинь Лань настояла на том, чтобы пока ничего не говорить ее матери, поскольку ситуация все еще была неопределенной. К тому же, как рассказывал Фэн Лаосань, с Цинь Лянчуанем явно что-то произошло: он помнил облик Ли Сичжэнь, но не помнил ее имени. Именно поэтому, узнав имя тетушки Ли, Фэн Лаосань не мог вспомнить ее.

В итоге решили, что через несколько дней Жэнь Сяо отправится с торговым караваном на юг, чтобы лично встретиться с префектом уезда Наньхуэй. Все было решено. Несмотря на тревогу, Цинь Лань крепко схватила за руку Цин Яня и бесконечно благодарила его. Глава каравана вернул ту самую пару серебряных монет, которые Цин Янь дал ранее.

Для Цин Яня на этом все было завершено — он сделал все, что мог. Теперь все зависело от Цинь Лань и ее мужа.

На обратном пути Цин Янь некоторое время колебался, но все же решился сказать Цю Хэняню:

— Я не хотел скрывать это от тебя, просто был неуверен, боялся, что все окажется напрасным.

Цю Хэнянь хотел было что-то сказать, но его спокойные, словно гладь озера, глаза просто смотрели на Цин Яня. Спустя мгновение он лишь крепко сжал его запястье.

Следуя за ним, Цин Янь прикусил губу. Ему казалось, что в этот момент он максимально приблизился к сердцу Цю Хэняня. И хотя лицо того не выражало никаких эмоций, он все равно ощущал мельчайшие колебания в его настроении.

Он хотел спросить, но предпочел отдать эту инициативу самому себе. Склонив голову, он твердо решил, что однажды, в подходящий момент, он расскажет Цю Хэняню все свои секреты, включая свое настоящее прошлое и вынужденное сокрытие истины.

Когда они вернулись в деревню, было уже поздно. Они наспех зашли в дом семьи Лю, где Цю Хэнянь остался ждать снаружи, а Цин Янь занес вещи, сказал несколько слов и вернулся

домой.

□□.....

Фестиваль лодок-драконов наступил быстро. Цин Янь, стоя на лестнице, подавал ветви полыни и аира, а Цю Хэнянь прикреплял их под крышей, чтобы защититься от насекомых и злых духов. Они также украсили крышу дома тети Ли.

Этот праздник супруги провели в доме тети Ли.

Цинь Лань тоже вернулась вместе с ребенком. Она сказала матери, что Жэнь Сяо отправился с торговым караваном заниматься делами. Поскольку раньше аптека уже отправляла своих людей с караванами, тетушка Ли ничего не заподозрила.

После случившегося отношение Цинь Лань к Цин Яню и его мужу стало заметно теплее. Она позвала свою маленькую дочь, которая играла неподалеку, и, указав на Цю Хэняня и Цин Яня, сказала:

— С этого момента это твои родные дяди.

Маленькая девочка по знаку Цинь Лань подбежала к Цин Яню и прижалась к нему щечкой.

Цин Янь редко общался с детьми, поэтому он, заметив, как Цю Хэнянь с легкой улыбкой наблюдает за ним, немного растерянно наклонился и склонил голову. Он почувствовал, как мягкая, теплая щечка ребенка прикоснулась к его лицу, а затем девочка слегка покачала головой, и ее пухленькие щеки начали тереться о его кожу. Это было одновременно трогательно и странно, пробуждая в сердце какое-то теплое, незнакомое чувство.

Тетушка Ли, наблюдая за этой сценой, засмеялась:

— Вам тоже пора завести ребенка. Тогда, когда Нань-Нань приедет в гости, у нее будет с кем играть.

Услышав эти слова, Цин Янь мгновенно вспомнил прошлый вечер.

Накануне, дочитав книгу, Цю Хэнянь встал с кровати. Цин Янь подумал, что тот собирается погасить свет, но спустя некоторое время лампа так и осталась гореть, а Цю Хэнянь вернулся обратно.

Цин Янь повернулся к нему и сразу заметил черный браслет на его руке. Лицо Цин Яня мгновенно залила краска.

Сильное тело мужчины прижалось к нему, оказавшись сверху, но Цин Янь мягко оттолкнул его и поспешил спрятаться в одеяло.

Поцелуи сыпались на уши и шею Цин Яня, а грубые руки потянулись под одеяло... Цин Янь закусил губу и считал дни. Прошло больше недели с последнего раза. Он тоже этого хотел, но он боялся...

Цин Янь прикрыл руками низ живота, зная, что пятно гера, должно быть, снова появилось.

Он пока не готов иметь ребенка. Для него это стало слишком большим потрясением, и ему нужно время, чтобы адаптироваться.

Хотя браслет с шипами был полезен во время процесса, но, в конце концов, неконтролируемое состояние мужчины достигло своего пика. Сам Цин Янь был истощен. Как бы сильно он ни сжимал браслет, это было похоже на клин, который проникал в то место невероятно глубоко. Сколько он ни толкался, ни отползал, ни плакал и ни умолял, он не мог освободиться. В конце концов, Цю Хэнянь проник внутрь почти без потерь.

После стольких раз Цин Янь понимал, что даже если он не хочет, в один прекрасный день он все равно забеременеет. Именно поэтому, несмотря на то, как мужчина позади него осыпал его поцелуями, и его тело само собой отзывалось на прикосновения, Цин Янь оставался неподвижным, стиснув зубы, не позволяя себе ответить.

К счастью, когда Цин Янь уже едва держался, Цю Хэнянь все же поднялся, чтобы погасить свет, и в комнате воцарилась темнота.

Цин Янь чувствовал тревогу, боялся, что муж разозлится. Но когда сильная рука обняла его за талию, а легкий поцелуй коснулся его затылка, низкий и спокойный голос Цю Хэняня уверенно произнес:

— Ничего страшного, спи.

Утром все было, как обычно. Цю Хэнянь вел себя так, словно ничего не произошло: они вместе готовили завтрак, ели, занимались делами. Это немного успокоило Цин Яня.

После работы они отправились в дом тети Ли, чтобы отметить праздник.

Когда тетя Ли обмолвилась, что им пора завести ребенка, в комнате на мгновение повисло молчание. Затем Цин Янь услышал рядом с собой низкий голос Цю Хэняня:

— С этим можно не спешить, через пару лет об этом поговорим.

Тетя Ли, не придав этому большого значения, переключилась на более важный для нее вопрос. Она хотела обсудить с Цин Янем свою новую партию духов.

Ее второй выпуск был готов. Цин Янь уже дал названия каждому аромату и подготовил этикетки. Увидев результат, Цинь Лань пришла в восторг и, не отпуская флаконов из рук, уверенно заявила:

— Это точно будет пользоваться успехом!

После Фестиваля Лодок-драконов Цин Янь и У Цюнянь снова отправились на большой рынок в уездный центр. На этот раз, помимо традиционного крема «Снежинка» и духов, Цин Янь решил приобрести оптом различные украшения для волос и тела, которые носили девушки и молодые геры. Поскольку у него было немного средств, он сосредоточился на товарах с хорошим соотношением цены и качества, не гонясь за дорогими вещами.

Продажа таких товаров зависела от умения хозяина выбрать привлекательный ассортимент, а в своем вкусе и чувстве стиля Цин Янь был уверен.

У Цюнянь, прислушавшись к совету Цин Яня, впервые закупила румяна и тени для век, а также нашла через Фэн Лаосаня источник для популярного в последнее время «э-хуан» (желтый порошок для лба).

Рынок в уездном центре был значительно больше, чем в деревне или даже в городе. Здесь были и обычные горожане, и знатные семьи, приезжавшие на экипажах вместе с домочадцами для покупок.

Цин Янь оказался прав в своих прогнозах. Он и У Цюнянь не успевали обслуживать всех покупателей, даже пришлось позвать на помощь Ван Саньяо, который специально взял выходной.

Когда дело подошло к вечеру, и настало время собирать прилавок, товара почти не осталось. Цин Яню, У Цюнянь и Вану Саньяо помогал Цю Хэнянь, который пришел, чтобы встретить их и помочь вернуться домой ночью.

Вечером, подсчитав выручку, Цин Янь и У Цюнянь обнаружили, что эта поездка принесла им больше прибыли, чем две предыдущие вместе взятые.

Цин Янь, как обычно, сделал анализ результатов. Основным продуктом продаж снова стал крем «Снежинка», который привлек внимание к другим товарам. Что касается духов, они вызвали неожиданный интерес: хотя это был новый продукт, и вначале на него почти никто не обращал внимания, стоило только нанести немного на кожу клиента, как большинство из них

возвращались за покупкой. Эффект оказался даже сильнее, чем от крема.

Кроме того, выбор товаров, как отметил Цин Янь, был целостным: все они были ориентированы на девушек и молодых геров, что делало их прилавки привлекательным и связанным, в отличие от прежнего разношерстного ассортимента.

На следующий день Цин Янь рассчитался с тетей Ли, как всегда, по установленной доле. С учетом этого раздела его чистая прибыль составила около 30–40 лян серебра.

За последние месяцы Цю Хэнянь также принес в дом порядка 300–400 лян. После вычета расходов на покупку материалов, удобрения, прокладку каналов и найм рабочих, у них оставалось около 200 лян.

С учетом накоплений в доме их общий капитал перевалил за 400 лян серебра. Этого было достаточно, чтобы купить 200 му хорошей пахотной земли.

Когда Цин Янь убирал тяжелый мешочек с серебром в ящик под кроватью, его лицо сияло от радости.

□□.....

После Фестиваля прошло всего пару дней, и работа в поле почти завершилась. Теперь оставалось только ждать, пока рассада вырастет, вовремя подкармливать ее удобрениями, регулярно пропалывать и бороться с вредителями — это все можно было сделать своими силами. В следующий раз нанимать рабочих понадобится только на время осеннего сбора урожая.

Согласно обычаю, в последний рабочий день хозяева обязаны угостить нанятых рабочих хорошей едой и выпивкой в знак благодарности за их труд.

Поскольку Ван Саньяо из семьи У Цюнянь был занят, а проводить застолье в ее доме было неудобно, Цин Янь и Цю Хэнянь решили устроить угощение у себя дома. У Цюнянь принесла мясо и другие продукты, и вместе с Цин Янем они приготовили большой стол с разными блюдами. Место в основной комнате было недостаточно просторным, поэтому стол перенесли в комнату Кузнеца Вана.

Цю Хэнянь купил в городе два больших кувшина вина и добавил к ним копченые и маринованные закуски из мясной лавки, завершив меню.

К полудню четверо нанятых рабочих пришли с поля. Самый старший из них был человеком сдержанным и опытным: он, войдя в дом, не стал разглядывать обстановку, а просто вымыл руки и тихо сел за стол, ожидая начала трапезы.

Самый молодой, напротив, не мог усидеть на месте. Едва переступив порог, он стал вертеть головой, изучая дом. Когда в комнату вошел Цю Хэнянь, юноша буквально уставился на шрамы на его лице, широко распахнув глаза.

Старший работник несколько раз откашлялся, чтобы отвлечь его, и только тогда молодой смутился и, усмехнувшись, отвел взгляд.

В это время У Цюнянь отправилась забирать Няньшэна из школы. Как только они вернулись, обед начался.

Цин Янь поставил на стол последнее блюдо — горячее тушеное мясо, и на мгновение его рукав приподнялся, обнажая ослепительно белую кожу запястья, что привлекло взгляды некоторых присутствующих. Затем он сел рядом с Цю Хэнянем, чтобы начать трапезу.

Цю Хэнянь заботливо следил за гостями, а У Цюнянь, одновременно ела и присматривала за Няньшэном. Цин Янь же молча ел, не отвлекаясь на разговоры. Насытившись, он спокойно поднялся, объявил, что уходит убираться в прихожей, и не заметил разочарованных взглядов, которые проводили его.

Когда вино было выпито уже несколько раз, старший рабочий жестом позвал молодого пойти с ним во двор. Молодой начал было возмущаться:

— Ты иди один, зачем мне с тобой ходить, мне не нужно!

Оказавшись во дворе, старший сурово зашептал:

— Сколько раз я тебе говорил, в доме хозяев веди себя прилично, знай свое место!

Но молодой, уже навеселе, лишь фыркнул и, икнув, пробормотал:

— Ты видел этого маленького гера по фамилии Юй? Такой красавчик! А его муж — просто чудовище, страшный как ночь. Настоящая роза в куче навоза...

— Замолчи! — старший резко оборвал его и, нахмурившись, сокрушенно вздохнул, — Ты со своим языком рано или поздно в беду вляпаешься!

Молодой лишь усмехнулся, поигрывая пальцами у подбородка и блестя глазами:

— А что? Если он с таким как-то живет, то и на меня бы мог взглянуть. Да, я беден, но внешность у меня куда лучше...

Не выдержав, старший с размаху шлепнул его по затылку. Его трясло от злости:

— Ты совсем разум потерял? Посмотри на их поведение, на речь! Такие люди тебе не ровня. Сиди молча за столом, ешь, что дают, и уходи, чтобы ни слова больше!

Вернувшись в дом, они снова заняли свои места за столом.

К тому времени Цин Янь и У Цюнянь уже почти закончили убираться в прихожей. Няньшэн напомнил, что ему нужно сделать домашнее задание, и У Цюнянь решила сразу же отвести его домой.

Цин Янь вернулся за стол и стал слушать разговоры и тосты рабочих.

В какой-то момент молодой рабочий снова вышел во двор под предлогом посещения уборной. Возможно, из-за выпитого вина он отсутствовал дольше обычного, но вскоре вернулся.

К тому времени, когда трапеза закончилась, уже было далеко за полдень. Зарплату рабочим выдали перед обедом, все остались довольны — работу завершили, хорошо поели и выпили. попрощавшись, они договорились вернуться на помощь осенью и разошлись по домам.

Цин Янь и Цю Хэнянь собрали оставшиеся тарелки, вымыли посуду и вернули стол в переднюю комнату, завершив дела. Это был утомительный день, поэтому они решили немного полежать, чтобы отдохнуть. Примерно через полчаса они оба поднялись.

Цю Хэнянь сказал, что ему нужно отправиться в город за закупками, и Цин Янь подошел к ящику под кроватью, чтобы достать деньги.

Однако, как только он открыл ящик, его лицо побледнело. Там, где должен был лежать мешочек с серебром, было пусто.

— Ах! — вскрикнул Цин Янь.

Цю Хэнянь тут же спросил:

— Что случилось?

Цин Янь, обернувшись, с ужасом произнес:

— Деньги... Деньги пропали! Все четыреста с лишним лян серебра исчезли!

<http://bllate.org/book/13590/1205201>